

Цикл
Константина Калбазова
ОТСТУПНИК

Отступник. Вольник
Отступник. Приватир

Константин Калбазов

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К17

Серия «Попаданец»
Выпуск 172

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Калбазов, Константин Георгиевич

К17 Отступник. Приватир: роман / Константин Калбазов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-162153-7

Отказался от права наследования и теперь нечего опасаться преследований со стороны дяди. Правда же? Ну, ведь правда? Вот хочется верить, что хоть что-то может пойти так, как задумано.

Ну что на это сказать. Хотеть не вредно. Вредно не хотеть. Потому что дядюшке не дает покоя скромная персона отступника. Да и для остальных я фигура, в которой течет кровь Рюриковичей, дающая мне право на великокняжеский стол. Словом, всё как всегда. Хочешь мира, готовься к войне. Хочешь спокойной жизни, будь для этого достаточно сильным. Да не вопрос!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-162153-7

© Константин Калбазов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

— Итак, вы убили напавшего на вас вольного пилота Рыбакова.

— Да, господин штаб-ротмистр.

— Что дальше?

— Захватил Горина и приказал отвести меня к самолету. После чего мы взлетели и взяли курс на Владимир. В полете я вынужден был убить и его.

— Почему? Разве он представлял для вас угрозу?

— Да, представлял. Выбор был невелик, либо он, либо я.

Говоря это, я держал в голове то, что он мог меня выдать, а там до меня доберутся убийцы. А не то, что мне нужны были документы, и жалеть этого душегуба я не собирался. Но говорить об этом я, ясное дело, не стал, я ведь не судья, чтобы выносить приговор, и не палач, дабы его исполнять. Да и нет в Русском царстве смертной казни. Каторга имеется, а вот казней нет.

Так вот, пока я так думал и отвечал именно в этом ключе, я не врал, и «Лжекамень» отмечал, что я искренен. Правда, долго такое продолжаться не может. Стоит начать задавать перекрестные вопросы, как я очень быстро попадусь на вранье. Да чего там, начни жандармский дознаватель задавать конкретные вопросы, и всё, готов кондитер.

Однако тот проявил верх некомпетентности. Вопросы задавал по большей части общие, словно предоставляя мне простор для маневра. Мои обтекаемые

ответы его вполне устраивали. Складывалось впечатление, что он сам старается сделать всё так, чтобы я, не дай господь, не выдал себя. Вообще-то, я уже готовился махать киркой и бегать с тачкой. А тут такое.

— А самолет куда подевали? — спросил жандарм.

— Поджег и отправил в море от греха подальше.

— То есть отказались от законного трофея.

— Обнаружил документы Горина и решил ими воспользоваться. А самолет — это яркий след для убийц. В деньгах же стеснений я не испытывал.

— Неужели дядя не снабдил вас документами?

— Убийцы моей семьи сумели пробраться не просто в наш кремль, но даже в центральную усадьбу и установить там бомбу. Я же хотел затеряться и стать простым пилотом. Мне показалось, что новые документы помогут мне в этом.

— Ясно. — Штаб-ротмистр выставил ладонь лодочкой, и я вложил в нее кольцо с «Лжекамнем».

И это всё?! Серьезно?! Я уже был под следствием и знаю, насколько въедливы следователи, которых интересуют малейшие детали. А тут вот так, прошелся по вершкам и успокоился?

— Теперь давайте запишем ваши показания, — берясь за бланк и перо, произнес он.

Опрос он вел куда скрупулезней. Спрашивал о деталях, сыпал уточняющими вопросами. Но тут уж я врал самозабвенно, при этом тихо худея от происходящего. Что мешало опрашивать меня вот так же с амулетом на пальце? Но нет, штаб-ротмистр убедился в том, что я в общем и целом не вру, после чего продолжил уже без местного полиграфа. В подобный непрофессионализм жандармов как-то не верилось.

— Вот и все, — забирая у меня подписанные мной опросные листы, удовлетворенно произнес штаб-ротмистр.

— И что теперь?

— А теперь, Григорий Федорович, вы отправитесь в камеру, где будете ожидать суда. Если согласитесь на рассмотрение в особом порядке, то заседание состоится уже завтра, а приговор будет гораздо мягче.

— А в особом порядке это как?

— Закрытое заседание без присяжного поверенного. И я бы вам советовал не отказываться. Это, конечно, не явка с повинной, — он показал на опросные листы, — но налицо деятельное сотрудничество с дознанием. Что также является серьезным смягчающим фактором.

— А можно полюбопытствовать, что именно мне инкриминируют?

— Опрос производился с использованием спецсредства «Лжекамень», и было доподлинно установлено, что Рыбаков и Горин убиты вами в результате самообороны. Таким образом, в содеянном мною не усматривается преступления, о чем и будет вынесено соответствующее постановление. Чего не сказать об использовании чужих документов. Но если вы согласитесь на особый порядок, уверен, что дело обойдется штрафом. Немалым. Но это все же не каторга. Итак?..

— Я согласен на особый порядок.

— Правильное решение, молодой человек. — Берясь за колокольчик, штаб-ротмистр подбодрил меня улыбкой.

А что я теряю? Проживание по подложным документам — статья однозначно мягче двойного убийства. Хорошо, Валеру я грохнул, защищаясь, но Федора-то хладнокровно, с расчетом завладеть его документами. Пусть он и не невинная овечка, но это предумышленное убийство.

Так что подводных камней в предложении штаб-ротмистра я не видел, хотя и решительно не понимал, какого, собственно говоря, лешего. Очень может быть, что причина сугубо внутривластная. Я, конечно, отступился от наследства, став абсолютно

беспольным. Но той же оппозиции царя на это плевать, им бы знамя задрать повыше и вой поднять до небес о несправедливости государя. Получится что-то — отлично, не получится — да и хрен бы с ним, они ничего не теряют. Опять же, как в том анекдоте — ложечки нашлись, но осадочек остался...

Взяли меня под белы ручки в гостинице еще ночью. Поначалу я пожалел, что не рванул отсюда сразу, благо не так уж и устал. Но потом отмахнулся от этих мыслей. Если рвать когти за кордон, тогда еще да, оставаясь же в пределах Русского царства, — никакого смысла. Это ведь не великокняжеская полиция пожаловала и не стража, а жандармы, имеющие полномочия на всей территории конфедерации.

Ночь я провел в камере, после чего меня доставили на допрос. Мне даже не предоставили поверенного. Как пояснили, в этом нет смысла, так как пока идет предварительное дознание. Но как-то так получилось, что оно плавно перетекло в досудебную фазу, и завтра уже суд. Лихо у них тут всё!

Еще круче было в суде, где я задержался не более получаса. При том, что само заседание длилось минут десять, и это с учетом изучения судьей постановления штаб-ротмистра о передаче дела в суд. Приговор, штраф в размере пяти тысяч рублей, каковые необходимо было внести в казну не позднее десятидневного срока. Всё! Дело закрыто!

— Григорий Федорович, я бы посоветовал вам обратиться в канцелярию великого князя с просьбой о выдаче вам новых документов. Александр Иванович имеет право выписать их вам на любое имя с соответствующими отметками в своих архивах, разумеется, — посоветовал штаб-ротмистр.

— То есть я могу получить их и на имя Горина?

— Безусловно. Только лицензии штурмана и пилота лучше все же оформить местные и сделать соответ-

ствующие пометки в Пскове, дабы избежать чехарды в последующем.

— Я вас понял.

— И да, не забудьте забрать у секретаря решение судьи, а также озаботьтесь приложить к нему квитанцию об уплате штрафа. В канцелярию и в паспортный стол лучше направляться уже с ними, иначе отправят восвояси.

— Благодарю.

— Не за что. Служба такая, — отмахнулся тот и пошел на выход.

Ну а я направился к секретарю за решением судьи, а там нужно будет сегодня же заглянуть в великокняжескую канцелярию. Не хотелось бы лишний раз встречаться с дядюшкой, но, похоже, иначе никак.

Впрочем, обошлось без личного общения. Чиновники меня прекрасно знали, а потому в очереди я надолго не задержался. Проходивший мимо служащий остановился напротив меня с нескрываемым удивлением, поинтересовался, в чем причина моего появления. Затем скрылся в кабинете старшего делопроизводителя, куда тут же пригласили и меня. Доложили по инстанциям, сделали необходимые записи и сообщили, что утром меня навестят двое, готовые засвидетельствовать в паспортном столе мою личность.

Была такая практика. Дело в том, что паспорта имели далеко не все подданные. Надобность в них возникала лишь при поступлении на службу или при выезде за пределы острова. Для получения паспорта достаточно было либо соответствующей бумаги из канцелярии великого князя, либо двух свидетелей, уже имеющих паспорта, готовых засвидетельствовать личность непосредственно в паспортном столе.

Однако, несмотря на мое обращение в канцелярию, в случае со мной отчего-то решили использовать второй вариант. Хотя вполне сработал бы и первый. А мо-

жет, я просто чего-то не понимаю, и мое дело подпадает под категорию особых.

По просьбе старшего делопроизводителя я просидел в кабинете еще полчаса, устроившись у бокового столика и гоняя чай. А тем временем он лично занялся подготовкой всех необходимых документов. Закончив что-то писать, он оставил меня одного и вернулся буквально через пятнадцать минут.

— Прошу вас, Гр... Кхм. Федор Максимович. Это распоряжение великого князя. Завтра по получении паспорта посетите великокняжескую летную школу, где вам выпишут лицензии пилота и штурмана уже на новое имя. Если пожелаете получить допуск на грузовые аэропланы, необходимо будет сдать дополнительные экзамены.

Мой реципиент уже давно имел обе специальности, окончив летную школу. Тут это сродни автошколе в моем родном мире. Но его лицензия была, так сказать, любительская, дающая право управления аэропланами грузоподъемностью до двадцати пудов. Так что без экзаменов мне не обойтись. Но уже хорошо, что никто не будет тянуть вола за подробности.

Покинув кремль, я направился на почтамт, где, отстояв в очереди, уплатил наложенный на меня штраф. Благо стеснения в средствах не испытывал. Мало того, у меня в кармане оставалось еще предостаточно средств. И я не преминул этим воспользоваться, завалившись в трактор и плотно пообедав. Кормежка в каталажке оставляла желать лучшего...

На следующее утро ровно в десять в мою дверь постучали. К этому времени я уже успел привести себя в порядок и позавтракать. Поэтому прихватил портфель с документами и направился на выход уже в готовности покинуть номер гостиницы.

В коридоре меня ожидали двое дружинников в летной форме. Григорий в итоге должен был стать

таким же великокняжеским соколом, носить точно такую же и впоследствии возглавить авиаполк. Впрочем, это не мои желания. Мне-то как раз служить не хотелось, и куда больше привлекала вольная жизнь.

Вот поброжу по свету какое-то время, а там можно будет подумать и о доме. Я всегда так поступаю, ибо еще от отца уяснил одну незыблемую истину: молодость — это всего лишь средство, чтобы обеспечить себе старость. Ни одна сиделка не позаботится о тебе так, как родные дети. Разумеется, если своевременно заниматься их воспитанием, а не оставлять это на потом.

Конечно, в жизни случается всякое, и порой родные дети получаются хуже заклятого врага, как ты их ни воспитывай. Но от этого есть страховка. Как говорит старая поговорка: «Один ребенок — не ребенок. Два ребенка — половина ребенка. Три ребенка — один ребенок». И этого правила я также придерживаюсь.

— Горин Федор Максимович? — с нескрываемым пренебрежением поинтересовался дружинник с погонами унтера.

В княжеской дружине служить, конечно, престижно, но, поступая на службу, будь готов к тому, что до самой отставки можешь так и не выйти в офицерский чин. За карьерой это в царскую армию. Штаты княжеских дружин строго регламентированы законом. Великий князь имеет право содержать авиаполк, а это всего лишь тридцать шесть боевых самолетов.

— Решили воспользоваться возможностью, когда вам не могут ответить, господин унтер-офицер? Вы ведь сейчас выполняете приказ великого князя, а значит, находитесь на службе со всеми вытекающими, — склонив голову набок, иронично произнес я.

Практика такова, что пилотами в дружинах служат исключительно дворяне. Это является незыблемой традицией. Штурманами и стрелками бомбардиров-

щиков или транспортников могут быть и простолюдины, но командир непременно дворянин.

Я же теперь официально являюсь мещанином, и дворянин может разговаривать со мной, как ему заблагорассудится. Мне остается либо обтекать, либо ретироваться. Бросить вызов я не имею права. Однако это не значит, что я совершенно бесправный. Если между нами нет связи начальник — подчиненный, то уже возможны варианты.

Я могу вынудить дворянина напасть на меня, а тогда уж получаю возможность защищаться адекватными средствами. Вплоть до применения огнестрельного оружия, если тот выстрелит в меня первым. Правда, тут имеется нюанс. Если это княжий или боярский человек, и при этом он находится на службе, самое лучшее это сбежать. Ибо поднять руку на него все равно, что поднять руку на них самих.

Есть еще вариант — драться на дуэли, если сам дворянин бросит мне вызов. Для них это не зазорно. Поединок есть поединок, и он является проявлением доблести. Иное дело, что подобное практикуется редко. Ибо проиграть схватку человеку, стоящему ниже тебя по статусу, это позор, который ляжет пятном на твою репутацию.

— Ты назвал меня трусом? — с вызовом произнес унтер, надвигаясь на меня.

Конев Станислав Лукьянович известный бретер. Вот уж кто никогда не бегал от драки, и даже намек на его трусость вызывал в нем бешенство. Половина дуэлей, значившихся за ним, были не с дворянами, и ни разу еще он не оказывался бит. Хотя и после драки с ним далеко не всегда поединщик отправлялся на тот свет. Подавляющее большинство отделялись лишь ранениями, нередко легкими.

И дядюшка не нашел ничего лучше, как отправить ко мне этого красавца. Интересно, он получил приказ

убить меня на дуэли, или эти кости бросили просто наудачу? А ведь я искренне надеялся, что после всего того, что сделаю, Демидов предоставит меня самому себе.

Глупо? Вообще-то, опираясь на местное законодательство, не так чтобы и очень. Мне реально ничего не светит, и я не могу претендовать ни на что. Свидетельствовать против дядюшки? А смысл тогда мне отказываться от права наследования и опускаться ниже плинтуса? Не захотел бы Александр Иванович сделать меня мещанином, и был бы я простолюдином. Однако все за то, что он решил поставить на мне точку.

— Я не называл вас трусом. Просто задал вопрос, — спокойно глядя ему в глаза, произнес я.

— Ах ты мразь!

Он ударил меня раскрытой ладонью резко, без предупреждения и без замаха. Ошибочное мнение, что бить нужно кулаками. Вот такой удар свалит с ног не менее эффективно, и при этом шансы самому получить травму куда ниже. Разумеется, если бить основанием ладони, а не отвешивать пощечину. Тоже, кстати, бывает весьма ощутимо.

Я и не думал обострять до крайности, поэтому, отшатнувшись назад, избежал столкновения с тяжелой рукой далеко не худосочного пилота. А вот ему не повезло. В удар он вложил хорошо, как результат, его повело, и пальцы со всего маху столкнулись с декоративной деревянной панелью.

— Хэк-к! — побледнев, выдал бретер.

Ничего так. Крепкий мужик. Я явственно расслышал хруст. Да и пальцы вывернуло в обратную сторону. Бледный как полотно Конев поднес к подбородку левую руку, и тут же по его лицу прошла легкая дрожь, боль из глаз ушла, как будто ее там и не было, сменившись поволокой удовольствия, а пальцы неуловимо приняли свое естественное положение.

Одна из прерогатив дружинников — бесплатно и в любой момент сменить разряженный амулет на заряженный. Если он личный, тогда сдать на зарядку и получить уже на следующий день. Этот был личным топазом в пять карат.

— Сударь, сомневаюсь, что у вас был приказ прибить меня еще до того, как вы выполните волю князя, — глядя ему прямо в глаза, спокойно произнес я.

— Стас, остынь. У нас приказ, — положил ему руку на плечо второй пилот.

Этого я также знал. Вернее, Григорий. Ему были известны не только все пилоты, но и кто чем дышит. Мелихов Никита Сергеевич из потомственного дворянского рода, пять поколений которого верой и правдой служили Демидовым. Ничем особым не выделяется, за пять лет дослужился всего лишь до младшего унтера. Товарищи характеризовали его только одним словом — надежный.

— Я в курсе, — рывком стряхивая руку с плеча, бросил Конев и ожег меня злым взглядом

— Тогда давай сначала выполним, а все остальное оставим на потом, — предложил Мелихов.

Мне оставалось лишь скромно развести руками, мол, ничего не поделаешь. Конев в ответ дернул уголок губ и, развернувшись, двинулся в сторону лестницы. Я, улыбнувшись Мелихову, пошел следом.

В паспортном столе надолго не задержались. Здесь, как и в Пскове, имелись большекаменские держатели очереди. Минут десять перед дверью, да не больше двадцати, пока заполняли паспорт, вносили все необходимое в реестры, оформляли бумаги для отправки в псковское отделение, дабы привести учет в порядок.

— Ну что, щ-щенок, теперь я не на службе, — когда мы вышли на широкое парадное крыльцо, многозначительно произнес Конев.

— И что с того? — вздернул я бровь, изображая наивность.

— Я вызываю тебя.

— Меня? Но что я такого вам сделал?

— Ты назвал меня трусом.

— Трусом я вас не называл. Господин унтер-офицер, господин Мелихов тому свидетель. А вот лжецом очень даже могу.

— То есть я лжец?! — надвинулся он на меня.

— Ну, если вы, глядя мне в глаза, говорите неправду, то выводы делайте сами.

— Ты принимаешь вызов, щ-щенок?

Вообще-то, можно было и отказаться, вынудить его ударить первым, а там без затей набить ему морду. В своих силах я не сомневался. В силу специфики местные, конечно, уделяют много времени рукопашному бою, совсем как в моем родном мире дворяне занимались фехтованием. Однако я мог их удивить, так как обладал опытом не одной эпохи. Но тут есть нюанс. Он все еще в форме. А валять в пыли великокняжеского дружинника так себе затея, которая очень даже может аукнуться.

— Рукопашный бой, — после короткой паузы произнес я, так как выбор вида схватки остается за вызываемой стороной. — Только просьба не затягивать, мне завтра утром вылетать в Псков.

— Дратся будем немедленно, — успокоил меня Конев.

От жандармского управления мы направились в тренировочный зал Колтукова. Добирались на разном транспорте, как и предписывал дуэльный кодекс. Чему я был только рад. Вот не хотелось мне видеть рядом с собой эту рожу.

Вопрос с моим секундантом решил сам собой. Им вызвался быть один из тренеров. С местом поединка также никаких проблем. По десять рублей с каждого поединщика, и дерись хоть до посинения.